

Николаева И.В.
ЖЕНЩИНЫ БЕЛАРУСИ В ПОСЛЕОККУПАЦИОННЫЙ ПЕРИОД
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Утвердившийся в современных исследованиях подход к освещению истории Великой Отечественной войны через призму человеческого фактора определил необходимость и актуальность осмысления минувших событий с позиции опыта различных социально-демографических групп и создал дополнительные возможности интерпретации истории белорусского общества послеоккупационного военного времени. Проблема перехода от войны к миру – и в экономическом, и в социальном, и в психологическом плане – так или иначе после освобождения территории Беларуси после трехлетней нацистской оккупации стояла перед каждым человеком, перед всем обществом, которое преимущественно было женским.

Война и оккупация привели к резкой диспропорции полов, в результате которой удельный вес мужчин в республике составлял 44,5% общей численности населения, а женщин 55,1%. Особенно перевес женского населения над мужским сказывался в сельской местности [1, с. 133]. Так, например, среди сельского населения Витебской области на 1 августа 1944 г. женщины составляли 68% от всех жителей. При этом наибольшим перевесом женщин был в возрастной группе от 16 до 55 лет, которая составляла наиболее дееспособную часть населения: если мужчин в данном возрасте насчитывалось 29 797, то женщин – 121 435 или 80% от общей численности тех, кто являлся основной трудоспособной частью послевоенного общества [2, д. 42, л. 54]. Аналогичная картина наблюдалась повсеместно.

В условиях борьбы с разрухой, когда ощущался большой дефицит в рабочих кадрах, женщины сыграли огромную роль в восстановлении разрушенных фабрик и заводов. В 1945 г. они составляли 48% рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве БССР, в том числе 43% в промышленности, 31% на транспорте, 62% в связи, 21% в строительстве [3, с. 115]. Наибольший приток женского труда в промышленность наблюдался сразу после освобождения территории Беларуси от оккупации, на многих предприятиях женщины составляли преобладающую часть кадров. Так, на 1 апреля 1944 г. среди рабочих и служащих Витебской области женщины составляли 61% в промышленности, 75% в строительстве, 69% в связи [2, д. 4, л. 24, 27].

Женщины стали основой рабочей силы на селе, они работали во вновь созданных колхозах и на личных подсобных хозяйствах, выживая сами и помогая решать основные задачи восстановления страны. Привлечение уже в первые месяцы послеоккупационного периода в сельскохозяйственное производство большого числа новых кадров из числа женщин поставило задачу их обучения. При этом, как свидетельствуют документы обкомов и райкомов КП(б)Б, осуществлявших управление на местах в послеоккупационный военный период, комплектование курсов по подготовке счетоводов, трактористов механиков и прочих необходимых специалистов обеспечивалось главным образом из числа женщин-крестьянок [2, д. 19, л. 2, 46].

В ситуации повсеместной разрухи, когда технические возможности сельского хозяйства страны были минимальны, большую часть работ крестьянам приходилось выполнять вручную. В связи с недостатком мужской рабочей силы женщины в условиях отсутствия транспорта переносили на себе семена и продукты, вручную вскапывали общественные посевы в колхозах, а также широко привлекались к ручной косьбе [4, д. 1, л. 49].

Несмотря на то, что женщины составляли основную рабочую силу в колхозах, их представительство на руководящей работе в сельском хозяйстве было незначительно. Так, среди 323 предсе-

дателей сельсоветов Витебской области по состоянию на август 1944 г. было только 6, а из 2 565 председателей колхозов только 124 женщины [2, д. 101, л. 36–37]. Характерным в этом плане является объяснение такого положения дел осенью 1944 г. секретаря по кадрам Сиротинского райкома КП(б)Б, который, анализируя подход к расстановке кадров, отметил, что «особой нужды в укомплектовании руководящих кадров за счет женщин не было, т.к. у нас хватает мужчин» [2, д. 101, л. 89]. Как свидетельствуют архивные документы, вопрос «О недооценке выдвижения женщин на руководящие работы», неоднократно становилось предметом специального обсуждения высших, а также местных партийных органов [2, д. 101, л. 90; 5, д. 18, л. 56–57].

В условиях массового вовлечения женщин в производство и сельское хозяйство одной из задач местных органов власти стало восстановление сети детских садов и яслей. До Великой Отечественной войны в Беларуси насчитывалось 1006 детсадов, в которых воспитывалось 54 800 детей дошкольного возраста. Кроме того, в летний период действовали детские площадки, которыми было охвачено 84 тысячи детей колхозников. За период оккупации более 600 зданий детсадов были сожжены и уничтожены вместе с имуществом [6, д. 20, л. 73]. В сельской местности, местные органы власти пытались решить вопросы присмотра за детьми колхозниц организуя уже весной 1944 г. детские ясли и детские площадки на время полевых работ [2, д. 19, л. 101]. К концу 1944 г. в Беларуси был восстановлен 201 детсад с количеством детей 11 538 [6, д. 20, л. 73]. Несмотря на дальнейший рост сети детских учреждений на протяжении послеоккупационного восстановительного периода, существующее количество детских учреждений не удовлетворяло запросов матерей, которые вынуждены были брать своих детей с собой на работу или оставлять их дома без присмотра.

Архивные документы свидетельствуют, что власти также учитывали важность восстановления в освобожденных районах системы охраны материнства и детства. Среди мероприятий, направленных в условиях войны на охрану матери и ребенка, следует отметить выполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать героиня» и учреждении ордена «Материнская слава», и медали «Медаль материнства». Государственная помощь предоставлялась матерям, которые имели двоих детей, при рождении третьего и каждого последующего ребенка. Также предусматривалась выплата госпособия одиноким, не состоящим в браке матерям на содержание и воспитание ребенка, родившегося после издания Указа, до 12 летнего возраста [6, д. 30, л. 158–159].

Указ установил увеличение вдвое нормы дополнительного продовольственного пайка беременным женщинам, начиная с шестого месяца беременности и кормящим матерям в течение четырех месяцев кормления. Кроме того, указ обязал руководителей предприятий и учреждений выдавать дополнительно беременным женщинам и кормящим матерям продукты из подсобных хозяйств. Рабочим и служащим увеличивался оплачиваемый отпуск по беременности и родам с 63 до 77 дней [6, д. 13, л. 18].

Что касалось крестьянок, которые составляли основную часть женского населения, то специальные льготы для беременных и кормящих предусматривались Уставом сельскохозяйственной артели (утвержденным в 1935 г.) для женщин-колхозниц, которым должны были поручаться более легкие работы. За месяц до родов и за месяц после родов колхозницы должны были освобождаться от работы с сохранением за ними содержания на эти 2 месяца в половинном размере средней выработки или трудодней [6, д. 29, л. 159].

Организация точного учета многодетных и одиноким матерей с последующей выплатой им пособий, открытие магазинов для беременных женщин и кормящих матерей стала в послеоккупационный период одной из задач местных органов власти. Также началось восстановление женско-детских консультаций, при которых специально выделялось оборудование молочных кухонь [2, д. 21, л. 191; 5, д. 540, л. 58].

Сумма выплаченных государственных пособий многодетным и одиноким матерям по БССР в 1944 г. составила 10 599 тыс. рублей [14, д. 34, л. 45]. Вместе с тем необходимо отметить, что на местах, как со стороны финансовых органов, так и торгующих организаций, имелся ряд недостатков в выполнении Указа: в частности прецеденты, когда при выплате матерям госпособий погашали недоимки по разным налогам, числящимся за их хозяйствами [6, д. 16, л. 10]. В тоже время, имевшее место несвоевременное оформление документов на получение

госпособия многодетным и одиноким матерям, случаи невыдачи продуктов питания торговыми организациями пайка беременным и кормящим в ситуации повсеместной разрухи, всеобщего послевоенного дефицита зачастую имели объективные причины, связанные с нехваткой людей, транспорта, товаров и продуктов на местах [7, с. 112].

Тяжесть потерь, материальные лишения, переживаемые в послеоккупационный период за малым исключением всеми жителями республики, усугублялись в преимущественно женском обществе дополнительными трудностями психологического характера, связанными с проблемой личной неустроенности, женского одиночества, невозможности для многих женщин создать семью из-за резкого сокращения мужского населения [8, с. 25–26]. Во время войны во многих семьях произошла смена главы семьи, которым, главным образом, стала женщина-вдова, муж которой погиб [9, с. 124]. Оставшись без мужей, в очень тяжелых материальных условиях послевоенного времени, женщины, неся ответственность за своих детей, проявляли большое сострадание к чужому горю. Свообразным наследием войны стало целое поколение детей-сирот. Женщины брали их на воспитание в свои семьи, женсоветы из общественниц, которые начали создаваться уже весной 1945 г. при отделах народного образования, помогали государственным организациям заниматься проблемами детей, оставшихся без родителей [10, д. 12, л. 69].

Одной из задач местных органов власти стала помощь семьям мобилизованных в Красную Армию и партизан, которым выплачивались пенсии и пособия, в первую очередь предоставлялось жилье, приусадебные участки, осуществлялось их трудоустройство. В соответствии с постановлением ЦК КП(б)Б от 12 октября 1943 г. на территории республики по мере освобождения ее от немецких захватчиков при областном и районных исполкомах создавались отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан [2, д. 26, л. 2]. Однако в ситуации повсеместной разрухи, всеобщего послевоенного дефицита, решить все материально-бытовые проблемы не представлялось возможным по объективным причинам.

И тем не менее, трудности жизни – неизбежные после столь разрушительной войны и трехлетней оккупации – воспринимались большинством населения с пониманием, как своего рода «норма» послевоенного бытия. В конце Великой Отечественной войны наблюдался патриотический подъем. Так, духовный настрой женщин, характеризует высказывание крестьянки Плисского района, попавшее в информационный отчет: «Пусть лучше я буду вдовой погибшего героя, чем женой живого дезертира» [5, д. 286, л. 73].

Таким образом, в послеоккупационный военный период белорусское общество было преимущественно женским. Это создавало серьезные проблемы – не только демографические, социально-экономические, но и психологические. И хотя советские органы и местные партийные организации пытались решить вопросы по удовлетворению материально-бытовых нужд населения, охране материнства и детства, повсеместный дефицит, нехватка средств не позволяли оказать практическую помощь всем нуждающимся в поддержке. Однако, несмотря на все лишения и потери, в очень тяжелых материальных условиях женщины, заменив своих мужей на производстве и в сельском хозяйстве, стремились самоотверженным трудом приблизить по настоящему мирную жизнь. На исходе Великой Отечественной войны их настроение определяли патриотизм и вера в справедливость войны против нацистской Германии.

Литература

1. Белязо, А.П. Беларуская вёска ў пасляваенныя гады / А.П. Белязо. – Мінск: Выд-ва БДУ, 1974. – 176 с.
2. Государственный архив Витебской области. – Фонд 1-п. – Оп.1.
3. Марченко, И.Е. Трудовой подвиг рабочего класса Белорусской ССР (1943–1950 гг.) / И.Е. Марченко. – Минск: Наука и техника, 1977. – 248 с.
4. Государственный архив Витебской области. – Фонд 45-п. – Оп.1.
5. Государственный архив Витебской области. – Фонд 10060-п. – Оп.1.
6. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4-п. – Оп. 49.
7. Тимонова, А.В. Крестьянство БССР в послеоккупационный военный период (осень 1943 – весна 1945 г.) / А.В. Тимонова // Беларусь. 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память. В. 2 кн. Кн. 2 / Нац. акад. наук. Беларуси, Ин-т истории; редкол.: А.А. Коваленя (пред.) [и др.] – Минск: Бел. наука, 2010. – С. 86–114.
8. Зубкова, Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 / Е.Ю. Зубкова. – Москва: РОССПЭН, 1999. – 229 с.
9. Залескі, А.І. Аб некаторых з’явах у пасляваенным сямейным быццё беларускіх калгаснікаў / А.І. Залескі // Беларускі этнаграфічны зборнік. – Т. 1. – Вып. 1. – Мінск, 1958. – С. 122–140.
10. Государственный архив Витебской области. – Фонд 102-п. – Оп. 3.